

Поехал я с вами на рыбалку, хотел сам убедиться, но, честно говоря, не вижу, что вы находите в этом привлекательного...

Л. Мештерхази, «Великопенная рыбалка»

– Хорошая получилась рыбалка! Давненько я так не отдыхал.

Реплика генерала Михалыча

из к/ф «Особенности национальной рыбалки»

Я вовсе не по недомыслию предварил настоящее своё повествование двумя столь противоречивыми эпитафиями. Этим нестандартным приёмом хотел выразить своё неоднозначное отношение к такому виду человеческой деятельности, как рыбалка.

То есть я себя никак не могу отнести к тому обширному племени рыболовов-философов, могущих часами неподвижно сидеть на берегу в позе руденковского мыслителя, не обращая внимания на зверствующих комаров, уставившись на приклеенный к водной глади поплавок. Увы, не отношусь я к этому интересному племени людей, которые запросто таскали двухметровых щук, ловили окуней, у которых глаз размером с кулак. А некоторые из рыболовов даже уверяют, что довелось им лицезреть и прекрасных водяных дев – русалок. Я несколько не сомневаюсь в честности этих рассказчиков, но и то, что я не принадлежу к этому славному племени рыболовов, даёт мне полное основание утверждать: всё, рассказанное мною ниже, есть только правда, и этому вполне можно верить.

И речных монстров видеть доводилось. Но об этом будет рассказано ниже.

Итак, речь я поведу о рыбалке. Конечно, так уж категорично отрицать свою полную индифферентность, то есть, проще говоря, равнодушие к ловле рыбы, я не стану. Само собой, ловил я помаленьку рыбку. Например, с помощью сетей, и даже на удочку. Но! Но без фанатизма, не было во мне этой самой азартной жилки, заядлости, которая отличает закоренелого фаната рыбной ловли от нормального человека. Мой личный – и до сих пор не превзойдённый мною же! – рекорд ловли на удочку – это 25 сазанов величиной с ладонь. И это всё. Это и есть та самая вершина, на которую я поднялся. Конечно, такие мои успехи весьма и весьма скромны на фоне тех умельцев, которые удочкой натаскивали мешок рыбы или даже полную лодку.

Я же, подчёркиваю, к удочке как средству ловли равнодушен. И, тем не менее, рыбалку я люблю. Вот такой парадокс. Но люблю я больше другие её стороны. Например, жечь костёр на берегу, чистить рыбу, варить уху. А уж самую уху как люблю кушать! Вот именно в этом деле, в поедании ухи, меня можно записать в фанаты, не буду скрывать. Ведь что такое уха у костра на берегу реки или озера? Да под стаканчик «народного витамина»? Это поэма, скажу я вам, и не отступлюсь от своих слов.

Я поясню сейчас, почему у меня такие непростые отношения с рыбалкой. Ну, во-первых, так сложилось исторически, что располагался наш посёлок от речки на расстоянии около 2 км, далековато для мальцов, всякий раз не находишься. Потом, когда уже появились велосипеды... Но это было потом. А поскольку наша небольшая алтайская речушка, на берегах которой я рос, была мелководной, а летом и вообще распадающейся на ряд изолированных омут-ков, то и рыба водилась в ней мелкая – караси да гольяны, так что ловить такую рыбу на удочку, особенно гольянов (они размером меньше кильки), мало толку. Просидишь полдня, а улов – разве что кошке на зубок. Да ещё родители отругают – бездельничаешь, а воды для полива огорода не заготовил. И потому ловили мы рыбу, как правило, не удочками, а большими сачками, самодельными бреднями или, ещё лучше, «мордушкой» – это такой тип верши. Снасть «мордушка» представляет собой плетённую из лозы или сделанную из металлического решета большую, длиной около метра, корзину с воронкой-входом, наподобие чернильницы-непроливайки, если кто такие помнит. Внутрь рыба, польстясь на приманку, входит легко. А вот наружу выйти ей уже довольно затруднительно, мозгов рыбьих не хватает на подобное действие. Вот и сидит рыба в этой корзинке, пока рыболов не вытащит на сушу ловушку. Такой способ ловли мне нравился. Закинул «мордушку» в воду, а сам посиживай-полёживай на бережку, жги костёр, читай книжку или размышляй о разном, например, о том, есть ли жизнь на Марсе, или почему арбуз полосатый... Отойдя подальше от места установки «мордушки», можно искупаться, а потом вдвоём загорать на солнышке. Этот способ я практиковал, когда, будучи подростком, пас колхозных коров или барашков меж весёлых белоствольных берёзовых рощиц, обильно произраставших в пойме нашей маленькой степной речушки. Скот спокойно и неспешно пощипывает зелёную травку, а ты время от времени проверяешь ловушки, и уезжаешь с выпасов вечером домой с приличным уловом... Хорошее было время.

И вот с таким полным отсутствием фанатизма по отношению к рыбалке с помощью удочки я и вышел в Большой Мир, оттолкнувшись ногой от берегов нашей мелководной степной речушки Кучук, что в Алтайском крае. Вышел в Мир, где текли полноводные реки и простирались большие глубокие озёра. Но и на берегах этих больших озёр и рек, кишевших рыбой, и довольно-таки крупной, я так и остался равнодушным к ловле удочкой, спиннингами. Хотя в редких случаях, когда меня полунасиленно снабжали удочкой и усаживали на берегу, попадались мне на крючок и сомики небольшие, и серьёзного размера сазаны, но... Но, несмотря на все усилия моих друзей-приятелей, заядлых рыбаков, повышения градуса фанатизма у меня так и не случилось. Даже на зимнюю рыбалку меня возили – без толку. Не цепляло. Как в детстве не при-

кипел – так и остался равнодушным на всю жизнь. Правда, стаканчик-другой водочки на льду под бодрящий зимний ветерок – оказалось вовсе неплохо, в самый раз. Однако это, пожалуй, и все прелести зимней рыбалки, на мой взгляд. Ну такой склад характера у меня оказался. К слову сказать, я так же к футболу отношусь, и к хоккею – ну не вижу в этом чего-то такого-этакого. Вот точно, словно индейцы амазонских джунглей, впервые столкнувшись с европейцами, не могли понять, что же такого изображено на показываемых им фотографиях. Индейцы просто ничего там не видели кроме серых размытых пятен, потому как тогда мозг их ещё не воспринимал подобный способ передачи информации. Вот так и я. Однако же другие способы рыбной ловли мне нравились, и я при случае с удовольствием предавался этому занятию. Вот о них-то я и поведаю.

Вот, например, ловля рыбы руками. Без ничего, без всяких снастей и приспособлений. Просто голыми руками. Причём рыбалка таким способом достаточно результативна. А дело было так.

Свою трудовую деятельность после армейской службы я начинал в Южно-Казахстанской гидрогеологической экспедиции. Бросило (у газетчиков того времени был в ходу такой термин) как-то меня руководство экспедиции на длительную опытную откачку. Надо сказать, откачка – всему делу венец в полевых гидрогеологических работах. Очень важная работа. И настолько же скучная и монотонная. Ну представьте, целый месяц тарыхтит дизель, шумит компрессор, нагнетая в скважину воздух, из трубы беспрестанно идёт вода, а твоё дело – замерять в определённое время дебит откачиваемой скважины и измерять понижение уровня подземных вод в ней и вблизи расположенных наблюдательных скважинах, а это иной раз в километрах полутора от места откачки. Рабочие откачной бригады заправляют дизель-компрессор соляркой, следят за уровнем масла, и это их такие обязанности. Словом, свободного времени – хоть отбавляй. Они спят впрок, играют в карты, домино или шахматы, читают книжки, травят всякие байки. Вот и вся геологическая романтика. Ибо транспорта, чтобы сгонять на охоту или рыбалку – нет. Откачной бригаде, как правило, придан старенький трактор «МТЗ-5», называемый в обиходе «белорусом», служащий средством с помощью металлической треноги для монтажа/демонтажа эрлифта – устройства из труб для подъёма воды из скважины. И ещё этот трактор используется для поездок на дальние наблюдательные скважины. Да и то рабочие из-за летней жары и лености обучили меня заводить двигатель и ездить на тракторе самостоятельно, так что эту обязанность управления трактором они переложили на меня, что я с удовольствием принял: всё какое-то разнообразие в рутинном быту откачки. Конечно, работяга-«белорус» непригоден для охоты. Я пробо-вал как-то, руля одной рукой, стрелять из ружья по зайцам, но быстро осознал безумие подобных попыток, ибо в таком разе скорее ногу себе прострелить можно или трактор положить набок в какой-либо колдобине, нежели подстрелить шустрого зайца на жаркое. Так что оставалось только сидеть сиднем в вагончике, занимаясь замерами, вести журнал откачки, брать логарифмы, строить графики. Но времени свободного всё равно было в избытке, и его как-то надо было утилизировать... Неизрасходованная энергия моло-

дости бурлила и требовала выхода, и мои мозги интенсивно работали в этом направлении.

Мы стояли недалеко к северу от небольшого аула с диковинным для русского уха названием Ынтымак. Вокруг – степь. Кое-где – возделанные поля да купы деревьев аула, подальше на севере – гряда песков Муюнкум, за которой начиналась царица степей – Величественная Бетпак-Дала. Вот и весь пейзаж. Плавило в небе горячее южное солнце, казалось, того и гляди, расплавленные капли начнут падать сверху прямо на голову, а на горизонте колыхалось марево миражей. Лето красное. Палящий зной, скучища, невероятная вялость вгоняет в дрему. И я предложил бригадиру откачечников Виктору Балау совершить прогулку к находящемуся у самой кромки песчаной гряды Муюнкумов самоизливу.

Виктор был немного постарше меня, но мы приятельствовали. Нас сблизала не только работа, но ещё и служба в Советской Армии. Ибо служили мы оба в славном ТуркВО, правда, я в Мары, а он в Ашхабаде. Но выяснилось, что в учебном полку у них был командир, которого я впоследствии знал как начальника нашей службы в штабе ТуркВО. Это ещё больше нас объединяло, и отношения у нас были вполне дружеские. На моё предложение Виктор согласился, и мы, оседлав нашего «белоруса», попылили к самоизливу. До него было два-три километра, и расстояние это мы преодолели быстро, хотя и в невероятной тряске, поскольку рессор и амортизаторов у этой модели не имелось, и все неровности дороги мы ощущали достаточно жёстко и бескомпромиссно. Конечно, по молодости мы на это не обращали особого внимания.

А данную прогулку я предложил с целью попытаться рыбацкого счастья. Когда-то, в один из бесчисленных проездов на буровые мимо этого самоизлива, я видел в возникшем у самой скважины озерке резвящихся маленьких рыбёшек, и вот подумалось мне – а вдруг сможем как-то изловить немножко рыбы на уху? Для этой цели мы взяли с собой обычный дерюжный мешок, рассчитывая использовать его вместо сачка.

Самоизлив «Текей» – это скважина, пробуренная бог весть в какие времена, по крайней мере, на топокартах 30-х годов она уже отмечена. И, тем не менее, несмотря на такой мафусаиловский возраст, самоизлив вполне был работоспособен, он исправно подавал из-под земли прекрасную питьевую воду. Этим пользовались чабаны при перегонах своих отар, а также все проезжающие водители автомашин. Вода Текея была вкусная и прохладная, не в пример частым горячим самоизливам в этой местности.

За период многолетнего и непрерывного полива окружающей местности у самоизлива образовался самый настоящий оазис: достаточно обширное, но мелководное пресноводное озерцо, сплошь густо поросшее камышом. Камыш колхозники из окрестных аулов использовали как в качестве зимнего корма скоту, так и для своих хозяйственных нужд. Камыш рос буйно, на всей территории озерца простирались настоящие камышовые джунгли. Такие джунгли, что мы, обойдя чуть ли не всё озеро по периметру, отчётливо поняли – рыбу нам тут не достать, хоть глубина озера была невелика. Не взять её в таких густых камышовых зарослях. Никак не взять. И с этим нам пришлось смириться. Даже у самой же обсадной трубы, где действительно сновали рыбёшки,

ничего не получалось с рыбалкой, так как дно было усеяно разбитыми бетонными блоками с торчащими штырями арматуры, сачок тут был бесполезным. Да и сама концепция использования дерюжного мешка вместо сачка оказалась в корне ошибочной: намкнув, мешок плохо пропускал воду, и таскать его в воде не представлялось возможным. Словом, наши надежды на добычу рыбы развеялись, по выражению поэта, как белых яблонь дым. Да.

Разочаровавшись в рыбалке, мы с Виктором сняли одежду, искупались в прохладной текейской воде, тем самым придав нашей поездке хотя бы некоторый смысл. Ну да, вроде как своей воды у нас на откачке было в обрез. Усевшись на травку у самого уреза воды, закурили. Делать-то было больше нечего, поездка за рыбой выдала нулевой результат, и надо было возвращаться домой несолоно хлебавши. Лениво попыхивая сигаретой, я вдруг обратил внимание, что над зарослями, там, в глубинах камышовых джунглей, вьются птицы: коршуны, и какие-то пернатые помельче. Они не дрались, как это обычно бывает, когда мелкие пернатые птички скопом бьют хищника. Нет, птицы были всецело и как-то даже странно азартно заняты каким-то общим занятием, пикируя в камыши. Я обратил внимание Виктора на это интересное явление, и мы решили последовать к означенному месту, над которым рейдировали пернатые. Логика наших рассуждений была простая и прямая, словно черенок лопаты: если птицы ищут там себе поживу, так почему бы и нам не попытаться там что-либо найти?

Сказано – сделано, и мы углубились в заросли, отбиваясь от комаров, этих недремлющих стражей травяных джунглей, вениками из сорванного камыша. Под ногами хлюпала вода, но уровень её постепенно понижался, перейдя в полужидкую грязь. А затем и вовсе почва стала достаточно твёрдой. Всё дело было в том, что колхозники готовились к уборке камыша и потому отвели поступающую из скважины воду в сторону, и часть озера, намеченная к покосу, высохла. Но! Но, к большому счастью птиц – и нашему, конечно! – подсохшая часть озера имела несколько впадин, иногда достаточно глубоких и свободных от камыша, камыш-то, ведь он тоже на определённой глубине растёт. Наверное, в этих ямах и зимовала неприхотливая сазанья братия. Ярило-солнце пока что не выпарило из ям всю воду, её оставалось достаточно, и здесь-то и спасалась от внезапной «засухи» обитавшая в камышовых зарослях рыба. Естественно, птицы заметили возможность дармовой и не сложной кормёжки, и потому азартно кружили над ямами, хватая на лету всплывших к поверхности воды сазанчиков. Вот так оно в жизни бывает: одним – гекатомба и апокалипсис, а другим – пир на весь мир.

Наше появление расстроило весёлую птичью карусель. Человек – он вроде как царь природы, и мы не преминули воспользоваться своими правами. Словом, наступило наше время, и мы, выражаясь военным языком, прямо с марша приступили к рыбалке. Воды в яме было выше колен, а рыбы... А быбы было – как пельменей в чашке! Яма прямо-таки кишела рыбой! Вот тут-то и началась та самая рыбалка! Мы с Виктором просто черпали ладонями воду и выплёскивали её на берег вместе с рыбой. Это был сазан, в своей массе небольшой величины, ну примерно с ладонь. Но сколько же его было! Это просто что-то невообразимое! Сначала мы черпали всех подряд. Потом уже выби-

рали тех, которые покрупнее. Мы бултыхались в яме, словно бегемоты, перепачкавшись в грязи, но какое это имело значение?! Великолепная рыбалка шла полным ходом! Взбаламутив своим барахтаньем воду, мы ещё более вынудили рыбу всплывать к поверхности, и тут уже можно было определять размеры рыбин и отлавливать только ту, которая приглянулась размерами.

Вот таким образом, бултыхаясь в этой яме, мы смогли наловить рыбы целый мешок, и, довольные, помчались к себе домой с такой скоростью, насколько нам позволял тарыхтящий и подпрыгивающий на неровностях дороги трактор. Что там триумф римских цезарей, победоносно возвращавшихся после военных битв домой! Вот у нас был триумф – так это всем триумфам триумф! Без всяких снастей в песках поймать мешок рыбы! Прибыв в бригаду с таким шикарным уловом, мы взахлёб рассказывали, каким образом нам удалось добыть к столу такой ощутимый приварок. Пойманную рыбу выпустили в ёмкость со свежей, чистой водой. Часть улова тут же пустили в переработку для ужина.

И на ужин у нас была великолепная уха и жаренные до приятной аппетитной корочки сазанчики. Правда, на первых порах они слегка пованивали тиной, но в дальнейшем запах уже не ощущался. То ли мы привыкли, то ли сазаны отмылись в чистой артезианской воде.

Отловленная рыба, поблёскивая чешуёй, плотной стаей плавала, словно в аквариуме, в большой металлической ёмкости, благо воды у нас в период откачки было вдосталь. Сазанов мы подкармливали, бросая в воду хлебные крошки со стола. И теперь по мере надобности мы буднично черпали рыбу из ёмкости дуршлагом. Романтики в этих действиях, конечно, маловато, тут я спорить не буду. Но зато всегда к столу была свежая рыба.

Конечно, настоящие рыболовы-профессионалы, оснащённые спиннингами, крючками, особыми лесками, мормышками и прочими рыболовными причиндалами, вряд ли назовут наш способ настоящей рыбалкой.

А ещё приходилось мне видеть и немножко участвовать в отлове рыбы, тоже без всяких удочек, когда её просто черпают совковой лопатой. Это происходит тогда, когда рисовые плантации подготавливаются к уборке. В этот период воду спускают с рисовых чеков (участков) в каналы, которые, в свою очередь, сливают в магистральный канал. Вместе с водой из чеков уходит и рыба, обильно нагулявшие жир караси и сазаны. Каналы имеют перегородки, наподобие шиберных заслонок в воздуховодах. Перекрыв заслонки на части канала, поток рыбы останавливают, и черпают её из русла канала лопатами, бросая в кузов автомобиля. Такая вот рыбалка, с позволения сказать. Ясен пень, нет здесь никакого поединка между человеком и рыбой, оттого теряется острота ощущений, элементы которого наблюдаются при ловле рыбы, например, удочкой, спиннингом... Но что делать? Таковы особенности уборки риса в Южном Казахстане. И таковы же сопутствующие ей особенности здешней рыбалки.

Промежуточным способом между черпаньем рыбьей массы из воды и ловлей спиннингом, на мой взгляд, является охота на рыбу с острогой. Мне как-то довелось участвовать в такой рыбалке, и я постараюсь вам рассказать об этом способе и его результативности.

Дело было весной, в апреле, в Южном Казахстане в это время уже довольно тепло и даже жарко. Климат такой. Да. Стояла в тот раз наша буровая бригада у Чардаринского водохранилища.

Молодые буровики, среди которых были заядлые рыболовы, тоже совершали десанты к берегам водохранилища, однако результаты всех их манипуляций с удочками были нулевые: не клевало. Да не то чтобы клёва, даже поклёвки паршивой не было, хоть ты тресни. И места были самые что ни на есть «рыбные», и прикормку бросали, и на червей пробовали, и на муравьиные яйца, на хлеб, на отруби – бесполезно. Хоть сам лезь в воду и насаживай рыбу на крючок. Не было клёва, как будто его каким-то рыбьим декретом отменили напрочь.

А весь секрет был в том, что у сазана на этот момент в аккурат пришлось время нереста. Сазан – рыба теплолюбивая, и активничает он только когда вода достаточно хорошо прогревается, а когда температура воды достигает 18 градусов – тут он и вовсе распоясывается: начинает метать икру. Так что в этот период ему не до всяких лакомств в виде червяков и прикормок, которых ему в изобилии предлагают хитрецы-рыболовы, у него голова совсем другим занята, а занята она своим, рыбьим лямуром, так сказать. Вымет икры – дело серьёзное. Отлагательства не терпит и требует полной отдачи: шутка ли, продолжение рода! А тут с удочками пристают... Хм.

Нереститься сазан выходит на разливы, мелководные лагуны с травянистой растительностью, на которую и мечет свою икру. Икру сазан вымётывает стайно, в эти моменты рыба скапливается в больших количествах. Её настолько много, что вода буквально кипит от снующих рыбьих тел. В общем, свальный грех. Очень зрелищное мероприятие. Обычно самку сопровождают 3–4 самца, они стараются держаться плотно к самке, оттесняя друг друга, трутся о неё боками. Иногда сазаны, по-видимому, от избытка чувств, сазаньей своей удали и молодечества, выпрыгивают из воды и с шумом падают обратно. Когда самка заканчивает метание икры, самцы оплодотворяют икру, сбрасывая в воду молоки.

Так вот, раскинули мы свой полевой лагерь на берегу водохранилища, оказывается, именно в самый интересный период – период нереста. Определившись с текущим моментом и сделав правильные выводы, мы поняли, что удочки нам никакие не помощницы в деле ловли, а брать рыбу придётся по-иному.

Тут же, без лишней дискуссии, приступили к изготовлению необходимого снаряжения. Нарубили куски шестимиллиметровой проволоки, молотками расплющили её до узеньких полосок, напильниками и ручным точилом заострили эти свои примитивные гарпуны, а по бокам гарпунов нанесли зазечки – дабы наколотая рыба не имела никаких шансов сорваться с гарпуна. Изготовленные на скорую руку пики мы приспособили к черенкам от лопат. Вооружившись таким образом, мы решительно выступили в сторону водохранилища с твёрдым намерением без добычи не возвращаться.

...Вода в мелководной лагуне буквально кипела от нерестящейся рыбы, поверхность её повсеместно вспарывали плавники снующих рыбьих.

Мы обрадованно загалдели и, держа наготове свои примитивные пики, вступили в воду. Лагуна, как я уже говорил, была неглубокая, вода в самом

глубоком месте была по... в общем, как говорил старшина Васков из к/ф «А зори здесь тихие», женщинам по пояс. В прогретой и тёплой воде стремительными торпедами проносились рыбины. Ловля началась. Отсутствие у нас опыта работы с гарпунами с лихвой компенсировалось сильным желанием добыть трофей, и потому после двух-трёх неудачных попыток навыки появились достаточно быстро. Это оказалось не таким уж и сложным. Остриё гарпуна подводилось к передней части рыбины, примерно туда, где заканчиваются жаберные крышки. Затем резкий посыл гарпуна вперёд – и вот уже черенок гарпуна рвётся из рук: сазан – рыба сильная. А уж тем более в родной стихии, она, даже будучи смертельно раненной, так просто не сдаётся. Достаточно же большие размеры – до полуметра и более – позволяли ей активно сопротивляться грубому насилию с нашей стороны. Но примитивные гарпуны, тем не менее, держали добычу надёжно, оставалось только подтащить её к берегу и выбросить на траву. Освоившись с такой необычной технологией охоты на рыб, мы вчетвером довольно быстро наловили два мешка здоровенных, отливающих старым золотом, сазанов. Знатная добыча! Довольные удачной рыбалкой и тем, что по запарке никому не саданули в ногу своим опасным оружием, мы двигались к буровой, даже не замечая тяжести мешков с рыбой, которые пришлось нести по очереди.

На ужин мы закатали рыбный пир: уха из головизны, покрытая золотистой жировой плёнкой, заправленная икрой, сдобренная луком, перцем, лавровым листиком, исходила паром и вливалась внутрь наших организмов божественным благоухающим нектаром. Знатная была уха, тем более, на свежем воздухе, когда аппетит возрастает в разы и становится просто зверским.

А на второе наша повариха тётя Валя приготовила кусочки сазана, обваленные в муке и прожаренные до образования тоненькой коричневой корочки, так приятно хрустящей на зубах. Мясо сазана, розовато-белое на изломе, парило так, что буквально вызывало спазмы и просто-таки таяло во рту. В общем, тот ещё был ужин, радость для желудков – потрясающая.

Потом мы ещё пару раз ходили на эту своеобразную рыбалку, добывая приварок к нашему геологическому столу. Долго потом мы, причастные к «острожному делу», вспоминали эту рыбалку, замечательнейшее событие, когда мы оказались в нужное время в нужном месте.

Кроме вышеописанного, скажем так, несколько варварского вида рыбалки с гарпуном, довелось мне участвовать в ловле рыбы ещё более экзотическим способом. Но тоже достаточно эффективным. При этом способе рыбы в количественном отношении добывается немного, одна-две штуки, но вес добычи с лихвой покрывает её малое количество, ибо охотились мы вообще, можно сказать, на пресноводных чудовищ приличной длины и веса.

Я не оговорился, мы действительно охотились. Сазан как рыба славится своей скороспелостью, быстро растёт. А его нетребовательность к корму и сравнительно большой пофигизм к низкому содержанию кислорода в воде позволяют ему беззаботно обитать в замкнутых водоёмах: небольших заросших травой озёрах и прудах. Если, конечно, его не тревожат любители рыбной ловли. Но в тех местах, где мы тогда работали – а это была пойма реки Сыр-Дарьи – населения практически не было. Уж очень отдалённые были места, и не

всякий рыболов рискнёт туда забираться. Так что практически мы на многие сотни километров были единственными людьми в этой глухой местности. Этакий своеобразный затерянный мир.

И вот здесь-то, в старицах, когда-то отшнурковавшихся от основного русла реки водоёмах, глубоких ямах, обильно заросших по берегу камышом, и плодились, не зная забот, сазаны, нагуливая вес. Вырастали они здесь предельно здоровенными, достигая почти метровой величины. Любили на закате эти исполины высовывать свои головы в камышовых зарослях из воды. Зачем они это делали? А чёрт их знает. Может, подумывали о завоевании суши? Кто знает, что у них там за мысли бродили в холодных рыбьих мозгах? Может, молодые побеги камыша щипали, или насекомых разных ловили – не знаю. Но были у них такие водно-воздушные процедуры по тихим безветренным вечерам.

Естественно, данное рыбное мероприятие не прошло мимо нас, мы этот рыбий ритуал отметили для себя, но просто так взять сазанов не могли. А нечем было. На таких исполинов сеть хорошая нужна, а у нас на тот момент сеть тонкого плетения была, на мелкую рыбу. Жалко портить сеть, ибо такой водяной кабанчик с лёгкостью её прорвёт. Но и взять за жабры этих отъевшихся, вальяжно-безмятежных «поросят» тоже страсть как хотелось. Но если поставлена задача, то способ её выполнения всегда найдётся. Анализ увиденных сазаньих процедур длился недолго, и как-то после обеда старший мастер Каварма сказал мне:

– Всё, Вовка, сегодня вечером едем брать за жабры этих гадов, которые наглют в озере.

Я сразу догадался, о каких гадах идёт речь, и спросил:

– А чем их брать, этих исполинов? Пожарным багром? Можно ещё взрывчаткой. Но где её возьмёшь, взрывчатку? Не из спичечных же головок делать бомбу?

В ответ Григорий мне возразил:

– Всё продумано. Обойдёмся и без взрывчатки. Мелкашка же есть. Так что накачивай воздухом автомобильную камеру.

Я сразу врубился в ситуацию. Каварма собирается рыбачить путём отстрела здоровенных рыбин из малокалиберного ружья, которое у запасливого мастера было. Таким образом, добыча рыбных исполинов становилась реальной. Это настраивало нас всех на оптимистический лад.

Не откладывая дела в долгий ящик, мы вынули из загашников камеру, подремонтировали её, накачали воздухом, привязали к ней небольшую доску, превратив, таким образом, часть автомобиля во вполне надёжное плавсредство.

А когда закончились дневные работы на буровой, мы выдвинулись в поход. Не доезжая до озера несколько десятков метров, мы покинули автомобиль и начали, словно чингачуки, осторожно хоронясь за стеной камыша, приближаться к воде. Водитель, не желая кормить комаров, остался в кабине автомобиля. А мы же, охваченные азартом, полусогнувшись, с ружьём и плавсредством, крались к озеру. Ага. Вот уже сквозь зелёную стену проглянуло зеркало воды, которое изредка нарушалось слабыми волнами. Это сазаны тихонько,

с едва заметным плеском, высовывали свои головы из воды, совершая свой очередной вечерний намаз. Может, и правда, они молились своему рыбьему богу? Но практичный Григорий Каварма не стал углубляться в теологические вопросы, а, зарядив мелкашку, шепнул мне:

– Готовься, Вовка, снимай кальсоны, сейчас поплывёшь за добычей. Чтобы быстро. А то вдруг добыча утонет, кто его знает...

Я быстренько разделся до трусов, чем несказанно обрадовал местное комарье, которое с остервенелой радостью набросилось на меня. Я засуетился, запрыгал, сидя на корточках и отмахиваясь от летающей сволочи снятой рубахой.

– Тих-ха ты, не шуми, спугнёшь... – сквозь зубы процедил Григорий, беря на мушку видимую только ему цель. Я стоически замер, проклиная кровососов.

Сухо, негромко кашлянул выстрел. И сразу же раздался шум, всплески, треск камыша, водное зеркало пошло волнами и задрожилось осколками. Есть попадание! Я мигом распрямылся, словно сжатая дотопле пружина, и, прижав к животу камеру с привязанной к ней доской, не хуже того дикого кабана вломился в камышовую чащобу, не обращая внимания ни на гудящих комаров, ни на жалящие прикосновения острых кромок камышовых листьев. Скорее к воде! С размаху шлёпнув камеру на воду, я тут же плашмя упал на неё и в темпе заработал руками и ногами, набирая скорость. Проплыв через озеро к тому месту, где изгибался, шумно шлёпая хвостом по воде, исполинский сазан, категорически не желая вот так просто, за здорово живёшь, расставаться с жизнью. Но сегодня был не его день. Такая его рыба судьба. Всему когда-то приходит конец, и сазан уже почти затих, когда я подплыл к нему. Он лишь слабо шевелил хвостом, слегка покачиваясь на поверхности воды. Я быстренько ухватил его рукой за жаберную крышку величиной с чайное блюдце, а то вдруг и правда уйдёт на дно добыча. Да, здоровенная рыба попала под выстрел! Ай да дядя Гриша! Соколиный глаз – сказали бы индейцы, окажись поблизости. Развернув свою камеру, я отбуксировал добычу к удобному месту на берегу. Подбежал Каварма и помог мне вытащить добычу на берег. Ах, какой хороший попался экземпляр! Патриарх рыбьего племени! Крупная, с пятак, чешуя цвета старого золота, чуть темнее на хребте, плотно облегла сильное тело рыбы. Зазубренные костяные лучи в передней части спинного плавника и у анального отверстия были такой устрашающей величины, что их вполне можно было приспособлять в качестве гарпунов. Вероятно, наши далёкие предки и употребляли их в этом качестве.

Мы отнесли знатную добычу в автомобиль, я оделся, разочаровав тем самым местных кровопийц. Да плюс к тому ещё мы задымили в три трубы, заставив тем самым осатаневших насекомых держаться от нас подальше. Переждав так почти час, мы снова выдвинулись на исходные рубежи, и после некоторого ожидания процесс этой охото-рыбалки повторился, разве что застреленный теперь сазан оказал чуть меньше размерами. Но нас это не обескуражило, ибо и этой добычи нам было вдосталь. Чего жадничать-то?..

С тех пор прошло много лет, утекло много воды и отнерестилось большое количество рыбы. Но до сих пор в памяти свежи те незабываемые дни, когда

рыбу приходилось добывать такими интересными способами, иной раз и вообще без всяких приспособлений, но всегда с хорошим результатом...

Вот на этом я, пожалуй, и закончу свой рассказ об особенностях национальной рыбалки в Южном Казахстане в период полевых гидрогеологических исследований. Я так думаю, что из моего незамысловатого рассказа Читатель понял главное: водоёмы Южного Казахстана очень богаты рыбой, настолько богаты, что её можно брать практически голыми руками. Чуть-чуть смекалки, немножко ловкости, настойчивости – и ароматная, с умопомрачительным запахом уха всегда будет на вашем столе.

А как же речные монстры, спросит внимательный Читатель? Да, действительно, я упоминал о монстрах в самом начале своего повествования. Ну, если вам метровой длины сазан – не монстр, то извольте. Встречались они у меня на жизненном пути, монстры, да. Вот только ловить мне их не довелось... Не судьба. Но видеть – видел.

Первого такого монстра я видел на берегу Чардаринского водохранилища, когда мы как-то проезжали на автомобиле вдоль низкого песчаного участка берега. Выброшенный волной, по-видимому, почивший в бозе, судак громадной тушей валялся на берегу, привлекая своей светлой брюшной беззащитностью суматошных крикливых чаек. Мы вылезли из автомобиля и подошли к рыбине. Знатный экземпляр! Длина его была около двух метров (измерили шагами), он слегка напоминал своей хищно-вытянутой мордой акулу. Да по сути дела это и есть акула пресноводных водоёмов, судак – тот ещё хищник. Особенно устрашающими выглядели клыки в разинутой пасти – точно у волка. Вонзят такие «гвозди» в добычу – вырваться шансов у неё нет. Хотя, имея узкую глотку, судак употребляет в пищу только рыбу с узким телом – бычков, пескарей, рыбью мелочь.

А второй монстр – это дедушка сом. Такого патриарха я видел на рынке в Чимкенте, продавали его рыбаки. Сом лежал в кузове автомобиля «ГАЗ-53», упершись головой в передний борт, а конец хвоста ещё на полметра свешивался вниз на открытый задний борт. Длина кузова известна, она составляет 3,7 метра, отсюда – длина этого сома была около 4,5 метра. Вот такое страшилище.

Рыбак, стоя на кузове, раскрыл сому пасть и вложил в неё обычное ведро, объёмом 10 литров. И пасть свободно закрылась. Увиденное меня впечатлило. Я долго рассматривал это чудо Природы, вспоминая приключившийся со мной случай.

Как-то мы выезжали большой компанией из нашего конструкторского бюро на отдых, на реку Арысь. Мы часто практиковали такие выезды, иногда даже с ночёвкой. И вот там, купаясь в протоке, я заплыл далеко по тихому руслу, с берегами, обильно заросшими лозняком. Я был совершенно один, тихо плыл в вечерней тёплой воде, никого, как говорится, не трогая. И вдруг мощным, но плавным толчком я был наполовину выброшен из воды, качнуло ощутимо, словно на качелях, волны в обе стороны от меня с шумом плеснули в лозняк. Я успел только заметить, как впереди по курсу вода слегка взвихрилась от движения стремительно уходящего под водой огромного тела. Ну, скорее всего, это был вот такой же сомище, как и виденный мной в кузове автомобиля.

Сом – самая крупная в наших водах пресноводная рыба. Он беспощадный хищник, и ест в воде всё: моллюсков, лягушек глотает, словно пельмени. Даже зубастых щук заглатывает, которые, как известно, и сами не промах. Сом с удовольствием перекусит уточкой или гусем лапчатым, за милую душу сожрёт и ондатру, и нутрию, не говоря уже о более мелких водяных крысах – сому всё идёт в пищу, он не деликатничает. И даже какого-нибудь бестолкового барбоса, неосторожно вздумавшего искупаться в жару, схарчит и не поморщится.

Да что собаки! Известны случаи нападения гигантских сомов даже на человека. Вот так вот. Не часто, правда, но такие случаи зафиксированы. Представьте: на самого Царя Природы разевает пасть! Однозначно, монстр! К счастью, встреченный мною когда-то в протоке сом не решился напасть на меня, за что я ему очень благодарен. Иначе как бы я смог поведать вам эти рыбацкие истории?

Ну, а поскольку я не заядлый рыбак, то верить всему здесь рассказанному можно.